

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. О Горе-горянине, Даниле-дворянине

Горе-горянин, Данило-дворянин – жил он у семи попов по семи годов, не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил; и пошёл он в новое^[1] царство лучшего места искать. И палася^[2] ему навстречу бабка голубая шапка:

– Куды, – говорит, – Горе-горянин, Данило-дворянин, путь-дорогу держишь?

Отвечает ей Горе-горянин, Данило-дворянин:

– Жил я у семи попов по семи годов, да у дядюшки князя Владимира девять лет; не выжил я ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил.

– Что дашь от добра? – говорит ему бабка голубая шапка. – Доведу тебя до места хорошего. Будешь ли, – говорит, – поить-кормить, при смерти в зыбке качать?

– Буду, – говорит Данило-дворянин, – кормить-поить, при смерти в зыбке качать.

И пошли они вместе, и довела она его до места хорошего; вот и дошли они до двора: двор как город, изба как терем, комли не отрублены, вершины на сарай загибаны.

□ Вот она и поставила его под окошечко, а сама в палаты вошла. В палатах живёт одна себе Настасья-царевна; вот наша бабка голубая шапка вошла, помолилась, на все четыре стороны поклонилась, а Настасье-царевне в особицу.

– Эка, Настасья-царевна! Какая ты, – говорит, – хороша-пригожа, а живёшь ты одна!

– Как быть бабушка! – говорит Настасья-царевна. – Уж так привелось; нет никого, так живёшь и одна; что делать?

– Вот, – говорит бабка голубая шапка, – я тебе привела молодца; поглянется ли?

Сейчас в околенку^[3] брякнула, он и бежит в покои. Прибежал он в покои, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, Настасье-царевне в особицу. Вот он Настасье-царевне и приглянулся, и стала она с ним жить да поживать.

□ Вот она с ним живёт долго ли, коротко ли, и посылает его к дядюшке князю Владимиру:

– Зови его в тысяцкие^[4], жену его Оброксу в сватьи; надоть, – говорит, – нам с тобой обвенчаться.

Вот он сейчас обувался-одевался и прибежал к дядюшке князю Владимиру. Прибежал он к дядюшке князю Владимиру в терем, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу. Вот он и говорит:

– Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи, надоть нам с ней обвенчаться.

У дядюшки князя Владимира сидят в это время гости енаралы за столом и говорят ему:

– Дядюшка князь Владимир! За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на

его такую службу, чтоб ему ввек не сделать.

– А какую же, – говорит, – накину я на него службу?

– А такую, – говорят, – чтобы к утру выстроил церковь.

□ Вот он и пошёл домой кручинен-невесел, головушку повесил. Вот Настасья-царевна встречает его и говорит:

– Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Разве тебя, – говорит, – дядюшка князь Владимир царским питьём обошёл или бранным словом нашёл?

– Нет, – говорит Горе-горянин, Данило-дворянин, – и бранным словом не нашёл и питьём царским не обошёл; а енаралы на меня службу накинули.

– А какую, – говорит, – службу?

– А такую службу: приказали к утру церковь изготовить.

– Не твоя печаль, не тебе и качать! – говорит Настасья-царевна. – Молися спасу, ложися спать; утро вечера мудренее.

Вот он спасу помолился и спать повалился, а Настасья-царевна вышла на круто́ красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом:

– Служки, няньки, верны служанки! Кто дереви́ны вези, кто строй станови, чтоб к утру церковь поспела.

Вот как словом, так и делом; сейчас церковь готова. Вот она и встаёт утром ранёшенько:

– Ставай; – говорит, – Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора тебе идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; нам надоть с тобой обвенчаться: церковь готова.

□ Вот он и ставал утром ранёшенько, умывался, обувался, одевался скорёшенько и побежал к дядюшке князю Владимиру. Вот

он и прибежал туда; богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу, и говорит:

– Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне, тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться: церковь готова.

Гости енаралы опять говорят дядюшке князю Владимиру:

– За экого чужестранного человека ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь, – говорят, – на его службу такую, чтобы ему ввек не сделать.

Вот он и говорит:

– А какую-такую я на его службу накину? Совсем я никакой не знаю.

– А такую, – говорят, – службу накинь, чтобы к утру, к свету, мост он состроил: мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздём прибитые, по краям были бы перилы точёны, головушки позолочены; на каждой головушке сидели бы птицы-пташечки и разными голосами пели.

□Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошёл опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Настасья-царевна его встречает и говорит:

– Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, очень кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка князь Владимир царским питьём обошёл или бранным словом нашёл?

– Нет, – говорит, – и бранным словом не нашёл и питьём царским не обошёл; а как же мне веселу быть? Великую службу накинули на меня енаралы.

– Какую же службу накинули на тебя? – спрашивает его Настасья-царевна.

– А такую, – говорит он, – велели мост к утру, к свету,

построить – мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздём прибитые, по краям были бы перилы точёны, головушки позолочены; на каждой бы головушке сидели птицы-пташечки, разными голосами пели.

Вот она и говорит:

– Спасу молися и спать ложися: не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее.

Вот он спасу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на круто́красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом:

– Служки, няньки, верны служанки! Сбегайтесь, сряжайтесь со всех четырёх сторон; кто мостовины вези, кто теши́, кто перила точи, золоти, кто птиц имай и на головушки сади.

Вот и сделался такой шум, гром, визгото́к, что дядюшка князь Владимир и окошко затворил, подумал, что преставление свету будет. Вот как словом, так и делом состроили мост. Вот и будит Настасья-царевна и говорит:

– Ставай, Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; надоть нам с тобой обвенчаться, а мост готов – хоть царю по нём кататься, так не стыдно!

□Вот он ставал ранёшенько, одевался скорёшенько, умывался, обувался и побежал. Вот он и прибежал туда, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю на особицу, и говорит:

– Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне; тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться, а мост готов – хоть царю кататься по нём, так не стыдно!

Гости енаралы опять говорят:

– За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну;

нет ли у нас людей хороших? Накинь на его службу такую, чтоб ему не сделать и век.

– А какую же я накину на его службу?

– А такую, – говорят, – вели ему шубу сшить из сорока сороков чёрных соболей; соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита.

□ Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошёл опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Вот и встречает его Настасья-царевна и говорит:

– Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка царским питьём обошёл или бранным словом нашёл?

– Нет, – говорит, – и царским питьём не обошёл и бранным словом не нашёл, а как же мне веселу быть? Великую службу накинули на меня енаралы.

– А какую же? – говорит Настасья-царевна.

– А такую, – говорит, – велели сшить шубу из сорока сороков чёрных соболей, соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита.

Вот она и говорит:

– Спасу молися и спать ложися, не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее.

Вот он богу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на красно круто́крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом:

– Служки, няньки, верны служанки! Кто соболи чини, кто шелки вей, кто золото лей, кто шубу шей, чтобы шуба к утру была сошита.

Вот сейчас служки, няньки, верны служанки только тряхнули –

шуба готова! Вот Настасья-царевна и будит его.

– Ставай, – говорит, – Горе-горянин, Данило-дворянин, в божью церковь к заутрене! – и подала ему три золотые яичка: первым с попом похристосоваться, вторым с дядюшкой князем Владимиром.

– А третье береги, – говорит, – чем жить!

□Вот он и приходит в божью церковь к заутрене о Христовом дне; людно народу в церкви, не пускают его:

– Бодёр очень! – говорят.

Вот он сейчас рукой пихнул, другой толкнул – народу лежит две улицы; он прошёл наперёд, стоит да молится. Вот это дядюшка князь Владимир усмотрел, посылает енарала:

– Поди, – говорит, – спроси: что это за человек, из чьих родов, из каких городов, зачем приехал, что ему надоть?

Вот енарал пришёл перед его, поклон отдал и стал его спрашивать. Он отворотился, да и рассмеялся:

– Вот, – говорит, – брюханьё! Не узнали же – службу-то прежде накидывали.

Вот приходит время христосоваться; он с попом похристосовался, с дядюшкой князем Владимиром тоже, а третье яичко в пазухе держит. Вот вышли из церкви. Бежит по буёву^[5] Гришка фурлатильный^[6], чёрненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца. Вот он Горе-горянин, Данило-дворянин третье яичко выхватил, годил^[7] в лоб, угодил в грудь, сшиб его с ног, бил, топтал, волочил, как барана в крови сделал.

□Вот он приходит домой к жене; та его спрашивает, где яичко девал?

– Первым яичком, – говорит он, – с попом похристосовался,

вторым с дядюшкой князем Владимиром, а третье... Есть у вас здесь какой-то мошенник Гришка фурлатильный, чёрненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца; я шиб его в лоб, угодил в грудь, бил-топтал, волочил, как барана в крови сделал.

– Ну и чёрт с ним! Так ему и надоть! – говорит Настасья-царевна.

Вот она сходила в горенку, вынесла оттуда два золотые яичка, себе взяла, ему дала – похристосовались. Опять его посылает к дядюшке князю Владимиру – звать его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи: «Надоть нам с тобой обвенчаться».

□Вот он побежал. Вот и приходит, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу:

– Милости просим, – говорит, – к Настасье-царевне – тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; а енаралам твоим ничем меня не загонишь.

Вот он и сказал:

– Сейчас пару коней вороных запрягу да и еду; ступай, – говорит, – домой, сряжайся да обряжайся.

Вот он приходит домой, с Настасьей-царевной сряжались да обряжались. Дядюшка князь Владимир приехал, ни пива варить, ни вина курить – всё готово! Весёлым пирком да и за свадебку; обвенчались, стали жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил, по усам текло, в рот не попало; дали мне колпак – стали в шею толкать, дали мне шлык – я в подворотню и шмыг!

---

[1] – Иное.

[2] – Попалася (Ред.).

[3] – В околенку – намёком, невзначай (Ред.).

[4] – Почётный начальник свадебной церемонии (Ред.).

[5] – Ограде церковной.

[6] – Фурлатильный – дурашливый (Ред.).

[7] – Метил

Загрузка...